
ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: *от идеи к конкретным шагам*

Осенью 1995 г. в Санкт-Петербурге начнет свою деятельность Европейский университет. Идея создания этого учебного заведения была выдвинута в 1992 г. мэром города Анатолием Собчаком и одобрена группой видных деятелей науки и культуры города. Поддержка проекта Международным фондом "Культурная инициатива" позволила Организационному комитету Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) разработать концепцию нового вуза, проекты образовательных программ и, добившись широкой международной поддержки, приступить к практическому воплощению проекта в жизнь. В ноябре 1994 г. ЕУСПб прошел государственную регистрацию. Его учредителями выступили: Комитет по управлению городским имуществом и Комитет по культуре мэрии Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский союз ученых, Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН и Петербургский экономико-математический институт РАН. Редакция журнала попросила ректора-организатора ЕУСПб, доктора философских наук БОРИСА ФИРСОВА представить основные идеи, которые стимулировали создание этого университета.

Начну представление со слов благодарности редакции за возможность вступить в диалог с читателями журнала, рассеянными по всей России. Проект университета проникнут духом максимализма. Я отчетливо осознаю, что заложенные в нем идеи выглядят утопичными. И все же мы обязаны думать о будущем, невзирая на сложности переживаемого момента. Создавая университет, мы исходили, в частности, из того, чтобы замедлить “утечку мозгов на Запад” и предоставить ученым, уезжающим из страны или вынужденно обдумывающим этот шаг, возможность реализовать свои замыслы в России. Еще одна высокая цель — превратить ЕУСПб в своеобразный центр притяжения талантов из регионов и автономий Российской Федерации. Сюда же относится намерение созданием нового университета участвовать в преодолении угрозы разрыва традиционных научных и культурных связей с государствами бывшего СССР. Как видите, я обозначаю прежде всего “российские заботы”, твердо веря, что рано или поздно новый университет станет принципиально новой средой для науки, образования, развития культуры, межнаучного общения и самых широких контактов. Мы вполне отдаем себе отчет, что создание Европейского университета — это работа на многие годы, но и цель поставлена нешуточная. Не только исторически, но и геополитически Петербург — связующее звено между Россией и остальным миром, “окно в Европу”. И он должен и может на базе новых идей вернуть себе былую роль гуманитарной столицы России. Отсюда наше желание знать, что по поводу идеи Европейского университета в Санкт-Петербурге думает читатель журнала.

Рассчитывая на диалог, критику, деловые пожелания, хочу поделиться “секретами”, рассказать о способах движения к намеченным целям. Какие конкретные задачи у Европейского университета? Начну со сверхзадачи. Здесь я возьму к себе в союзники известного российского барда, ученого-геолога А. Городницкого. Вот его вероятный прогноз относительно судьбы естественных наук. Четверть высококлассных специалистов уйдет в бизнес или на государственные предприятия — туда, где больше платят. Еще одна четверть уедет за рубеж. Правда, ядро этой доли будет работать по контрактам и предпочтет вернуться в Россию. Третья четверть в силу естественного старения уйдет на пенсию. Не рискую полностью переносить этот прогноз на науки гуманитарные и общественные, хотя им тоже “достаётся”. Главное здесь в другом: остановился процесс воспроизводства науки. Сейчас стало модным слово “элита”. Не вдаваясь в плюрализм определения этого понятия, скажу, что я понимаю под интеллектуальной элитой. Это — категория, слой ученых, которые вносят наибольший вклад в развитие научных знаний. Так вот, прогресс

общества невозможен, если доля интеллектуальной элиты опускается ниже критического порога. Отсюда и сверхзадача нашего университета: неотложно озаботиться воспитанием научной смены, но, подчеркну, способами, методами, которые бы отвечали целям и принципам демократического общества. Рассмотрим короткий пример. Есть принцип общественного устройства, согласно которому разрешено все, что не запрещается законом. Распространим теперь этот принцип на сферу высшего образования. В этом случае речь пойдет о необходимости создать новое социально-культурное пространство, способное не на словах (от пустых слов и обещаний, связанных, например, с гармоническим развитием личности, общество смертельно устало!), а на деле, в реальности удовлетворить действительное разнообразие потребностей, запросов людей и общества.

Сразу обозначу собственную позицию по одному вопросу. Нелепо отрицать богатство традиций, опыта российской и петербургской науки и системы образования. Но вот мои личные впечатления. Я с благодарностью вспоминаю ЛЭТИ им. В. И. Ульянова (Ленина), где я стал инженером-электрофизиком. Я стал инженером-электрофизиком и получил тогда серьезное профессиональное образование. Однако мое поколение (ни на студенческой скамье, ни в аспирантских классах) не учили языкам, культуре, миропониманию, не помогали осознанию своей роли и предназначения в этом мире. Овладение духовными основами осуществлялось исключительно самостоятельным путем и в любом случае за рамками учебного расписания. Впрочем, как показывают многочисленные примеры, в духовно развитом состоянии мы были государству неинтересны и даже опасны. Не даром любой несимметричный поступок вызывал всякого рода превентивные меры, имеющие своей целью "поставить на место". Через некоторое время я стал аспирантом философского факультета Ленинградского государственного университета. Здесь я столкнулся с другой своеобразной чертой повседневного научного бытия. Социология тогда ревностно охранялась стражами научного коммунизма от вируса так называемой буржуазности. Мировой опыт социологической науки был доступен (речь идет о знакомстве с ним в рамках учебных программ и других, так сказать институционализированных, форм приобретения научных знаний) только в виде критики ее генетической, наследственной буржуазности. Скажу определеннее. Вхождение в сферы мирового научного знания было поступательно "опасным". Социальный субъект более высокого ранга, чем аспирант или ординарный профессор (а именно, государство), регулировал в полной мере нашу научную и человеческую любознательность. Еще хуже положение было в школе. Там выход "за красные флажки"

стабильных учебников считался “святоотатством”. Индивидуальные способности и начала оставались во многом неразвитыми, а талант, если он был у кого-то, оказывался в большинстве случаев невостребованным. Господствовал один критерий успешности или неуспешности овладения профессией или научной дисциплиной — успеваемость. За пределами оценивания, общественного интереса и признания (последнее даже важнее!) оставались интеллектуальные достоинства или качества мышления, креативные характеристики или способности к творчеству и, наконец, мотивация овладения наукой.

Наш Университет ориентируется, скажу об этом недвусмысленно, на отбор и подготовку научной элиты, ученых, которым предстоит жить и работать в XXI веке, лидеров, которые займут ключевые позиции в интеллектуальной жизни страны, своего региона, Петербурга и возьмут на себя ответственность за судьбы отечественной науки и образования. Первые годы своей деятельности (1995—2000 гг.) ЕУСПб будет функционировать как “аспирантский колледж”.

Из этой сверхзадачи ЕУСПб вытекает и комплекс взаимосвязанных задач: современное образование, приближающееся по своему уровню к международным стандартам. В первую очередь программы международного класса будут предложены в таких областях знания, как экономика, история, этнология, право, политические науки и социология. Мы намереваемся интенсивно учить своих аспирантов (стажеров) и дать им по возможности универсальное постдипломное образование, включающее в себя, помимо обучения по избранной дисциплине, основательные знания о человеке, современной цивилизации и культуре, жесткий тренинг, связанный с привитием навыков исследовательской деятельности.

Закономерен вопрос: как будет функционировать этот аспирантский колледж. Отвечая на этот вопрос, начну с критики тех стереотипов обучения аспирантов, которые господствуют, преобладают сегодня. В современной аспирантуре менее всего учатся — там готовят диссертации, отвлекаясь к тому же на то, чтобы заработать на хлеб насущный. По официальному признанию, аспиранты являются сегодня самыми незащищенными людьми в высшей школе и в академических учреждениях. Степендии мизерные, — писала одна Санкт-Петербургская газета, — нагрузки огромные, подрабатывать сложно. С этими утверждениями согласился председатель Госкомитета по высшему образованию России В. Кинелев. В таких условиях даже фанатично увлеченный наукой молодой ученый задумается о цене кандидатской степени и связанных с нею непосильных жертвах.

Поэтому необходимо создать достойные условия для жизни, учебы, научной работы аспиранта (стажера), чтобы каждый стажер имел

возможность максимально сконцентрировать свои усилия, жизненную энергию на главном — вхождении в избранную научную дисциплину во всем богатстве ее содержания и во всей полноте ее связей с другими науками. Иностранный язык (языки), компьютер, общая гуманитарная база играют здесь роль чрезвычайно важных предпосылок, они выполняют роль своеобразных ускорителей познавательного процесса. Особое значение и роль отводятся лекциям зарубежных профессоров и обязательным зарубежным стажировкам в западных университетах. Мы намереваемся ввести систему “тьюторства” — научного наставничества, с помощью которого будет осуществляться помощь стажерам в овладении наукой и контроль за качеством и особенностями усвоения знаний.

В каждой из перечисленных сфер, направлений обучения нами выдвинуты максималистские задачи, имеющие своей целью сломать вредные стереотипы современного обучения в аспирантуре, преодолеть отчуждение между аспирантом и наукой, по которой он обучается. Уместно, говоря об этом отчуждении, заметить, что авторы идеи кандидатского минимума были преисполнены научного энтузиазма, когда с помощью минимума хотели указать нижний порог приобретаемого знания. Меньше этого знать нельзя! Таков был идеальный императив. Кандидатская диссертация стала самоцелью, а минимум — обозначением верхнего лимита необходимого знания. Больше этого знать не надо?!

Коснемся теперь профиля обучения в ЕУСПБ. Чем объяснить, что университет ориентируется на обучение и научные исследования в области общественных и гуманитарных наук? Прежде всего тем, что они более других были травмированы идеологическим прессом в советский период истории нашего государства. Я — социолог, и потому этот тезис проиллюстрирую на примере “своей” науки. Едва власть в период хрущевского правления и позднее усвоила, что социологическая наука может заявить себя серьезным оппонентом, как вступили в действие механизмы контроля и регулирования профессиональной научной деятельности. Поскольку стремление удерживать народ в повиновении было едва ли не безграничным, постольку его следовало распространить на все слои и группы населения страны. Достаточно вспомнить исторические встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, чтобы понять определенный универсализм контроля за любым видом творческой деятельности. Ведь свобода творческого (в том числе научного) воображения первой приходила в конфликт с аппаратно-бюрократическим антиинтеллектуализмом, и потому ограничения прежде всего накладывались на эту свободу. Превентивные меры, обеспечиваю-

щие послушание интеллектуалов, сейчас могут показаться многим реликтовыми, но их следует напомнить тем, кто начинает свою жизнь в науке или намеревается начать ее, не зная в реальности запретов на свободу выражения мысли. Самым мощным был механизм искажения и разрушения позитивного знания. Он опирался на государственную цензуру. Здесь заслуживают упоминания “Перечни сведений, запрещенных для публикации в открытой печати”. Главным их назначением в период стагнации стала не столько охрана высших государственных тайн, сколько сознательная деятельность по сокрытию от населения страны, от мировой общественности реальных противоречий развития советской системы: растущей озабоченности людей ухудшающимся положением страны; кризисных явлений в различных сферах; падения авторитета власти, лидеров партии и государства. В несколько приемов была закрыта, например, значительная часть социальной статистики. Быстро стало расти число табуированных тем (преступность, здоровье нации, проявления национальной розни). Даже данные о половозрастной структуре попали в разряд гостайн, поскольку их публикация могла облегчить потенциальным противникам подсчеты численности вооруженных сил и мобилизационных ресурсов в случае агрессии. Строжайший запрет существовал на публикацию любых сведений, в первую очередь социологических, оценивающих авторитет и деятельность высших руководителей страны. В итоге на страницах массовых и научных изданий реальность оказывалась представленной в тщательно отредактированном, стерилизованном виде. Торжествовала не истина, а государственная полуправда и ложь! Сама наука социология после того, как она была “разрешена” партийными решениями и указаниями в конце 1950-х гг., долгое время существовала под странным именем “конкретные социологические исследования”, при том, что рекомендовалось исследовать ограниченный круг явлений социальной жизни и руководствоваться монотеорией исторического материализма. Теоретическая экономика существовала под кодовым названием “политическая экономика социализма и капитализма”. Вершиной мировой экономической мысли считались постулаты марксовской теории прибавочной стоимости. Культурная или социальная антропология изучалась только “там”, а “здесь” предлагалось опираться на этнографическое знание. Примеры можно продолжить.

Мы хотим вернуть свои профильные дисциплины — социальные и политические науки, этнологию, экономику, историю, право — в лоно мировой науки. Для этого мало провозгласить лозунг реинтеграции — надо это талантливо сделать. Следует отдать дань уважения лучшим традициям отечественной науки, а мировую научную мысль

представить в ее действительном разнообразии, сложности, в оригиналах, а не в переложении, пусть даже образованных интерпретаторов. Итак, предстоит восстановить в правах надпартийную и наднациональную науку, очистив ее от влияния идеологических догм. Чтобы читатель лучше понял проблему, сошлюсь на анекдот, который имел хождение в начале 1980-х гг. Однажды в западноберлинском книжном магазине встретились два немца. Их привел туда интерес к книгам об искусстве. Восточный немец не смог купить одну из таких книг: она была для него слишком дорогой. Это понял западный немец и купил две книги: одну для себя, вторую для бедствующего жителя ГДР. Объясняя причину своей благотворительности, даритель сказал: «Мы оба — немцы, а это значит, что у нас не только общий язык, земля, культура и история, но и общий духовный отец — Карл Маркс. Однако нам, западным немцам, он оставил “капитал”, а вам, жителям ГДР, — “манифест”». Быть адептами одной научной веры — противоестественно. Поэтому важно обеспечить стажерам ЕУСПб гарантированные условия для выбора обучения в структурах современного научного знания. В университете ядро преподавателей составят россияне, однако значительную часть курсов будут вести западные профессора. Есть еще дерзкий план — так построить наше сотрудничество с зарубежными университетами, чтобы каждый аспирант прошел там серьезную стажировку. Задача эта масштабная. Ведь на каждом из перечисленных выше факультетов в течение 1996—2000 гг. будет обучаться не менее 30 аспирантов (стажеров). Ежегодный прием на факультет составит 10 человек в течение первых трех лет работы факультета. Мы ставим перед собой две задачи: синхронизировать свои программы с программами зарубежных университетов и добиться признания ими дипломов (степеней) ЕУСПб, а также создать условия для того, чтобы наиболее способные стажеры могли получить степень доктора философии (Ph. D). 1995/96 учебный год носит экспериментальный характер. Основная идея — открытые курсы и семинары по всем профильным дисциплинам. Это даст возможность завершить организационное становление большинства факультетов, формирование преподавательского состава, провести апробацию части подготовленных программ и завершить подготовку к началу основной академической аспирантской программы с трех-летним циклом обучения. Опыт первого года функционирования позволит определить, в какой форме целесообразно развивать деятельность ЕУСПб, обращенную к научной общественности, дипломированным специалистам города.

Параллельно с занятиями на открытых курсах начнется формирование ядра будущих аспирантов ЕУСПб из числа слушателей, име-

ющих или завершающих высшее образование. В конце 1995/96 учебного года постоянным участникам занятий на открытых аспирантских курсах будет предоставлена возможность сдать экзамены, по итогам которых они смогут быть принятыми в аспирантский колледж ЕУСПб. Междисциплинарный характер большинства учебных курсов будет способствовать созданию многообещающей дружественной среды для молодых исследователей разных научных школ и направлений, их личному общению и контактам с лучшими преподавателями и учеными старших поколений, включая профессоров западных университетов.

Полезно представить экономическую и юридическую модель ЕУСПб. Подготовка стажеров (аспирантов) на современном уровне требует существенных и долгосрочных вложений в человеческий капитал. В соответствии с Уставом ЕУСПб является негосударственным (не путать со словом “частный”) высшим учебным заведением, что вытекает из состава его учредителей. Такой статус выбран сознательно. Негосударственные учреждения высшего образования обладают большей гибкостью в том, что касается возможности реагировать на динамику изменения общественных и индивидуальных потребностей в знаниях, профессиональной и академической подготовке. Здесь больше простор для инициативы и экспериментов, что не отменяет гражданской и профессиональной ответственности за их результаты. Этот статус в нынешних условиях дает уверенные шансы на получение финансовой поддержки от зарубежных и российских спонсоров и фондов в объеме, существенно превышающем стартовую помощь ЕУСПб, которая оказывается в соответствии с Учредительным договором за счет средств городского бюджета. Мэрия Санкт-Петербурга выделила Университету престижное здание в историческом центре города и обязалась выделять средства на его содержание и приспособление к обучению и проведению научных исследований. Поиск средств на дорогостоящее образование — обязанность ректора и факультетов ЕУСПб. Обучение в университете будет платным. Одновременно особо нуждающиеся студенты будут освобождаться от платы за обучение, часть студентов сможет уверенно рассчитывать на стипендии. Размер стипендии следует поставить в прямую зависимость от успеваемости и материального положения аспиранта. Для того чтобы расширить возможности для материальной поддержки наших стажеров, мы намереваемся изучить вопрос об оплате обучения на основе долгосрочных банковских кредитов. Такой вид оплаты широко применяется в ряде западных государств, существенно расширяя стартовые условия для получения высшего образования, включая постдипломные формы.

Не так давно одна серьезная журналистка спросила меня: “Допустим, Вам удалось основательно воплотить в жизнь планы, связанные с созданием Европейского университета в Санкт-Петербурге. Когда в таком случае появятся люди, которые смогут принести славу российской науке? Скажем, социолог масштаба Питирима Сорокина появится уже в этом веке или он выделится из поколения юных граждан России, которые сегодня только пошли в среднюю школу?”

Ответ в данном случае состоит в следующем. Да, в наши планы входит сделать специальный акцент, приложить особые усилия к тому, чтобы иметь дело с одаренными молодыми людьми. Парадоксально, но даже в общественном сознании сидит мысль о том, что поиск одаренных людей заканчивается к моменту вручения аттестата зрелости. Есть устойчивое понятие “одаренные дети”, которых надо пестовать, но понятие “одаренный студент” или “одаренный аспирант” социального статуса как бы не имеет. Оценки одаренности, неординарности молодых ученых — объект нашего особого внимания. Мы намерены измерять склонности и потенциалы творческой, научной (преподавательской) деятельности. Возможно, что это приведет к появлению особой программы поддержки наиболее талантливых студентов и аспирантов. Небольшая в сравнении с нами страна Венгрия нашла блестящее решение этой проблемы, когда стало ясно, что подготовка интеллектуальной элиты является общенациональным делом. Я обещаю рассказать об этом в следующий раз, если читатели согласятся со мной в неотложности государственной и спонсорской поддержки наиболее одаренной части студенчества и молодых выпускников вузов со склонностями к научной и преподавательской работе. Что касается Питирима Сорокина XXI века, то я не могу назвать день его явления народу, но для меня совершенно бесспорно, что он существует, пока никем не замеченный. Событие это непредсказуемо. Такой человек может появиться в любой момент, в любой точке социального пространства. В том и состоит подлинное чудо настоящего, а не суррогатного образования.

Борис ФИРСОВ,
доктор философских наук